

132
51275: m.
1915

СВѢТЪ ХРІТОВЪ ПРОСВѢЩАЕТЪ ВСѢХЪ.

БИБЛИОТЕКА
И. М. У.

Американскій Православный Вѣстникъ.

„Russian Orthodox American Messenger”

Подписная цѣна на годъ: 24 выпуска 3 дол. (6 рублей).

TERMS OF ANNUAL SUBSCRIPTION: 24 issues — \$3.00.

Отдѣльные номера по 15 ц. Issued semi-monthly, every 14th and 28th. Single copies at 15 cents

Rev. A. Hotovitzky, Publisher.

15 E. 97th St. N. Y. City

Entered at the Post Office as Second Class Mail Matter.

No. 24. Vol. XV. — New York, DECEMBER 28, 1911, — 15 Декабря 1911 г. No 24.

Высочайшее привѣтствіе.

6 Декабря, въ день Святителя Николая Чудотворца и тезоименитства Государя ИМПЕРАТОРА, Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій ПЛАТОНЪ, Архіепископъ Алеутскій и Сѣверо-Американскій, принесъ по телеграфу слѣдующее привѣтствіе ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ:

«Государю ИМПЕРАТОРУ Николаю Александровичу.

Ливадія.

«Примите, нашъ любимый Государь, и отъ насъ, Вашихъ вѣрныхъ американцевъ, горячій привѣтъ и молитвенныя пожеланія много лѣтъ здравствовать на радость и славу Русскаго народа.
Архіепископъ ПЛАТОНЪ».

Въ тотъ же день Высокопреосвященнѣйшій Владыка былъ осчастливленъ ВЫСОЧАЙШЕЙ благодарностью:

«Архіепископу ПЛАТОНУ. Нью-Йоркъ.
«СЕРДЕЧНО БЛАГОДАРЮ ВАСЪ, ВЛАДЫКО, И ПОРУЧАЮ ПЕРЕДАТЬ ВВѢРЕННОЙ
ВАМЪ ПАСТВЪ МОЮ БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА МОЛИТВЕННЫЯ БЛАГОЖЕЛАНІЯ.
НИКОЛАЯ».

Многая лѣта Великому Монарху, Русскому Царю, первому сыну Церкви Православной и ея Высокому Покровителю, Государю ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ! Божіе Царя храни!

Праздничныя привѣтствія.

6 Декабря, въ день праздника Небеснаго Покровителя Русскаго Православнаго Общества Взаимопомощи въ С. Ш. Америки, Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Владыка ПЛАТОНЪ, Почетный Предсѣдатель этого Общества, привѣтствовали Правленіе Общества телеграммой съ призываніемъ Божіа благословенія и съ выраженіемъ пожеланія Обществу роста, преуспѣвать и крѣпнуть въ задачѣ охраненія Святаго Православія въ Америкѣ и въ Православіи нашего родного русскаго народа. Въ отвѣтъ на это Архипастырское привѣтствіе, Правленіе Общества за подписью всѣхъ членовъ Совѣта принесло благодареніе въ сердечной сыновней телеграммѣ, законченной патріотическимъ русскимъ восклицаніемъ:

«Многая лѣта Русскому Царю и Вашему Высокопреосвященству!»

Праздничный привѣтъ.

Искренній, сыновній привѣтъ приноситъ преданная Американская Православная паства вселюбленному своему Архипастырю. Едиными устами и единымъ сердцемъ возглашаетъ она въ эти радостные дни Праздника Рождества Христова, въ преддверіи новаго года:

На многая лѣта, Владыко! Отъ года въ годъ, благословеніемъ и молитвою Святительскими укрѣпляемая, мудростью Архипастырскою водимая, высокимъ примѣромъ Вождя своего вдохновляемая, да крѣпнеть Русь Американская подъ Вашимъ святымъ омофоромъ и въ новыя и новые предѣлы да несетъ слово Христова благовѣстія!

ХРИСТОСЪ РЯЖДАЕТСЯ...

Къ вопросу о свободѣ совѣсти.
Высокопреосвященнаго Архіепископа Платона.

Concerning freedom of Conscience.

By The Most Reverend Archbishop Platon.

(Окончаніе.)

(The end.)

Христіанская любовь состоитъ такимъ образомъ, въ чувствѣ или сознаніи любви къ намъ Божіей, въ вѣрѣ нашего сердца въ то, что Господь сотворилъ и творитъ для насъ. Что же творитъ въ духѣ нашемъ это живое сознаніе, эта живая вѣра сердца, проникнутаго благодарностью къ Господу Спасителю?

And thus, Christian love consists of the sense or consciousness of God's love for us, of our hearts' faith in all that the Lord did and does for us. How does then work in our spirit this living consciousness, this living faith of the heart, penetrated with gratitude towards the Lord our Saviour? These con-

Это сознание и вѣра съ такою силою дѣйствуютъ на волю христіанина, что служатъ для нея новымъ закономъ, не закономъ буквы, не закономъ внѣшнимъ, а закономъ духа внутреннимъ. «Нынѣ», говоритъ Апостоль. «мы освободились отъ закона», т. е. освободились отъ закона въ томъ смыслѣ, что онъ не дѣйствуетъ уже болѣе на насъ внѣшнимъ образомъ, какъ буква и приказаніе съ угрозами и проклятіями. Какъ освободились отъ такого закона? «Умерши для него», говоритъ Апостоль, т. е., освободились чрезъ самоотверженіе отъ злой воли, влекущей насъ на всякое зло. Что же даетъ намъ свобода отъ закона? Она дѣлаетъ насъ правоспособными «служить Богу въ обновленіи духа, а не по ветхой буквѣ», «служить Ему исполненіемъ Его закона духовнымъ, совершеннымъ и свободнымъ, какъ и законъ самъ въ себѣ есть законъ духовный» (Рим. VII, 6, 14), законъ свободы (Іак. 1, 25), законъ благодати (Іоан. 1, 17), которая есть духъ нашей жизни и жизнь нашего духа. И потому Апостоль въ посланіи къ Галатамъ (V, 18 и 14) и Римлянамъ (VIII, 15) живущихъ по духу считаетъ живущими не подъ закономъ внѣшнимъ, а подъ закономъ любви, потому что духъ благодати есть духъ любви и которымъ мы зываемъ: «Авва, Отче!» Къ исполненію требованій этого закона не имѣется никакой нужды въ постороннихъ побужденіяхъ, а исполняется онъ охотно изъ одной любви къ его святости и сладости.

Такимъ образомъ, любовь къ Богу и Христу производитъ въ сердцѣ христіанина любовь къ закону Божию и Христову, а любовь къ закону дѣлаетъ его исполненіе свободнымъ, потому что исполняющій Его законъ по любви, исполняетъ его по сердечному влеченію, и потому такой исполнитель воли Божіей имѣетъ истинную свободу духа. Онъ не есть тотъ рабъ, который только по страху держится законныхъ постановленій, или по немощной совѣсти своей слѣдуетъ заповѣдямъ и ученіямъ человѣческимъ, а не

consciousness and faith act on the will of the Christian with so much power, that they become a new law for it, no law of the letter, no exterior law, but an inner law of the spirit. "Now we are delivered from the law", says the apostle. We are delivered from it in the sense of it not acting on us in an exterior way, as the letter, as an order that threatens and condemns. How are we delivered from such a law? By being dead for it, says the apostle, that is to say we delivered ourselves by renouncing the wicked will which led us into every kind of evil. What does this freedom from law grant us? It makes us capable to serve God "in newness of spirit and not in the oldness of the letter", to serve Him by a spiritual, perfect and free fulfilment of the law, as the law in itself is a spiritual law, the perfect law of liberty (St. James I, 25), the law of grace (St. John I, 17), which is the spirit of our life and the life of our spirit. Therefore, St. Paul says in his epistles to the Galatians and the Romans that those, who live according to spirit, do not live under any exterior law, but under the law of love, because the spirit of grace is the spirit of love with which we call out: Abba Father! (V, 14, 18 and VIII, 15). No inducement from the outside is needed for the fulfilment of this law, for it is fulfilled willingly, solely for the love of its holiness and sweetness.

Thus, the love of God and of Christ produces the love of God's and Christ's law in the heart of a Christian, and the love of law makes its fulfilment free, because he, who fulfills His law out of love, fulfills it because of his heart's attraction; therefore such a fulfiller of the will of God has the true freedom of spirit. He is no slave, who keeps the verdicts of law out of mere fear, and follows man's commandments and doctrines, and not God's, because of the weakness of his own conscience, "touch not, taste not, handle not" (Colossians III, 21), but he

Божіимъ «не прикасайся, не вкушай, не до-трогивайся» (Кол. II, 21), но онъ есть сынъ Божій, который водится Духомъ Божіимъ, а гдѣ Духъ Господень, тамъ свобода (2 Кор. III, 17). Кто водится духомъ, для того нѣтъ закона, потому что плоды духа суть: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе: на такихъ нѣтъ закона (Гал. V, 22, 23). Эти внутреннія добродѣтели совершаются не въ силу повелѣній внѣшняго закона и не изъ какихъ-либо корыстныхъ видовъ, а внутреннею силою любви и духа свободнаго.

Но возможна-ли въ жизни человѣка такая чистая любовь, чуждая малѣйшей примѣси корыстныхъ расчетовъ? Что такая любовь не только возможна, а и необходимо должна быть въ жизни христіанина, это подтверждается прежде всего примѣромъ Иисуса Христа, въ любви Котораго не было и тѣни корысти: «не ищу воли Моей, говорять Онъ, но воли посланнаго Меня Отца (Іоан. V, 30). Примѣръ же Иисуса Христа есть законъ для всѣхъ Его послѣдователей.

Такой именно любви требуетъ и истинное христіанское самоотверженіе, которое, касаясь всѣхъ наклонностей эгоистической воли, исключаетъ изъ любви всякій видъ корысти. Пока остается въ человѣкѣ что либо, питающее его самолюбіе, до тѣхъ поръ онъ не достигъ еще полнаго самоотверженія. Ученіе апостола Павла о совершенномъ безкорыстїи въ христіанской любви, подтвержденное его собственнымъ примѣромъ, утверждаетъ, что эта любовь дѣйствительно возможна для насъ въ настоящей жизни (Рим. VIII, 38—39).

Впрочемъ, хотя истинная любовь чужда всякой корысти, всѣхъ видовъ и цѣлей эгоистической воли, но это не означаетъ того, чтобы она лишена была или даже чуждалась истиннаго удовольствія и духовнаго наслажденія. Это было бы несообразно ни съ природою человѣка — существа чувственно-разумнаго, ни съ свойствами истинной добродѣтели, которая сама себя награждаетъ чув-

is a Son of God led by the Spirit of God and where the Spirit of the Lord is there is liberty (2 Corinthians III, 17). For him who is led by the Spirit there is no law, because the "fruit of the Spirit is love, joy, peace, long-suffering, gentleness, goodness, faith, meekness, temperance, and against such there is no law (Galatians V, 22—23). These inner virtues are attained not by force of exterior law or selfseeking objects, but by the inner power of love and free spirit.

Is such pure love, foreign to the least admixture of selfseeking plans, possible in the life of a man? That such love is not only possible but quite necessary in the life of a Christian is confirmed first of all by the example of Christ, in whose love there was not a shade of selfinterest: "I seek not mine own will, but the will of the Father that hath sent me" (St. John V, 30). The example of Jesus is law to all his followers.

It is precisely this love true Christian self abnegation demands, which, when touching all the inclinations of the egotistical will, excludes every aspect of self interest from true love, as long as there is anything left in man, which nourishes his self love, this has not as yet attained complete self abnegation. The teaching of St. Paul concerning the complete disinterestedness of Christian love, confirmed by his own example, affirms that such love is actually possible for us in our present life (Romans, VIII, 38—39).

However, though true love is foreign to all self interest, to all views and plans of the egotistical will, it does not mean that it should be deprived of or even that it should shun pleasure and spiritual delight. This would not conform with the nature of man, a creature of feeling and of reason, neither with the properties of true virtue which rewards itself with the sense of pleasure, nor with the Christian teaching, which makes bliss one of the incentives for the attainment of virtue; and above all it would not

ствомъ удовольствія, ни съ учениемъ христіанскимъ, которое блаженство поставляетъ въ рядъ другихъ побужденій къ добродѣтели, — особенно же это несообразно съ свойствами истинной любви къ Богу, которая какъ исполненіе нравственнаго закона есть сама въ себѣ источникъ блаженства. Истинная любовь къ Богу есть самая жизнь сердца, прильпившагося къ Господу, а какъ жизнь она не можетъ не изливаться изъ сердца восторгомъ, радостью, блаженствомъ о Духѣ Святомъ. Она есть истинная жизнь вѣрующаго и чрезъ вѣру живущаго Христовою жизнью; а если первое свойство и принадлежность жизни есть радость и блаженство, то можно ли отдѣлять это свойство отъ жизни Христовой, которая одна есть истинная жизнь? Поэтому сердце, любящее Бога, исполненное Христовой жизни, находитъ для себя блаженство вездѣ и даже въ томъ, въ чемъ сердце, чуждое такой любви, не только не находитъ наслажденія, но даже мучится недовольствомъ и скорбью.

Такъ, напр., слово Божіе для нелюбящихъ Бога есть скучная и мертвая буква, каждая истина его отзывается для нихъ горечью. Но для любящаго Бога «слова Господни — слова чистыя, серебро очищенное отъ земли въ горниль, семь разъ переплавленное» (Пс. 11, 7). Для такого человека и законъ Господа совершенъ, укрѣпляетъ душу; Откровеніе Господа вѣрно, умудряетъ простыхъ. Повелѣнія Господа праведны, веселятъ сердце, заповѣдь Господа свѣтла, просвѣщаетъ очи. Страхъ Господень чистъ, пребываетъ во вѣкъ. Суды Господни истина, всѣ праведны; они вождельннѣе золота чистаго, слаще меда и капель сота (Пс. XVІІІ, 8—11).

Нелюбящій Господа постоянно долженъ страшиться, чтобы не пасть на своемъ скользкомъ пути, а любящій, живо чувствуя близость Его къ себѣ, «если пойдетъ и долиною смертной тѣни, не убоится зла», потому что

conform with the true properties of the love of God, which as the fulfilment of the moral law is in itself a source of bliss. The true love of God is the very life of a heart which is devoted to the Lord and as such it can not but pour itself from the heart as rapture, joy and bliss of the Holy Spirit. It is the true life of him who believes and because of his belief lives the life of Christ. And if the first characteristic and property of life is joy and bliss, could this properly be separated from the life of Christ, which alone is the true life. Therefore a heart, which loves God and is filled with the life of Christ, finds bliss in everything, even in that in which a heart foreign to love not only will find no delight, but on the contrary by which it will be tortured with discontent and grief.

The word of God for those who do not love Him is a dull dead letter, and every truth in it tastes bitter to them. But for him who loves God, "the words of the Lord are pure words: as silver tried in a furnace of earth, purified seven times" (Psalms, 12, 6).

For such a man "the law of the Lord is perfect, converting the soul; the testimony of the Lord is wise making wise the simple; the statutes of the Lord are right rejoicing the heart; the commandment of the Lord is pure enlightening the eyes; the fear of the Lord is clean, enduring for ever; the judgments of the Lord are true and righteous altogether; more to be desired are they than gold, yea, than much fine gold, sweeter also than honey and the honeycomb" (Psalms, 19, 7—10).

He who does not love God must for ever fear he might fall on his slippery path, but he who loves Him, feeling His nearness, "though he walketh through the valley of the shadow of death, feareth no evil", for wherever he goes the support of God will give him strength (Psalms, 23, 4).

He who does not love God fails to see

помощь Божія вездѣ и всюду подкрѣпляетъ его (Пс. XXII, 4).

Нелюбящій Бога не видитъ самыхъ ясныхъ путей, самыхъ поразительныхъ знаменій Божіихъ, а любящій повсюду встрѣчаетъ ихъ. «Куда пойду отъ духа Твоего, и отъ лица Твоего куда убѣгу? Взойду-ли на небо — Ты самъ; сойду-ли въ преисподнюю — и тамъ Ты. Возьму-ли крылья зари и переселюсь на край моря, — и тамъ рука Твоя поведетъ меня, и удержитъ меня десница Твоя. Скажу-ли: можетъ быть, тьма сокроетъ меня, и свѣтъ вокругъ меня сдѣлается ночью; но и тьма не затмитъ отъ Тебя, и ночь свѣтла, какъ день: какъ тьма, такъ и свѣтъ». (Пс. 138, 7—12).

Нелюбящій Бога часто для успокоенія своей мятущейся совѣсти намѣренно старается удалить мысль о Богѣ, а для любящаго все блаженство въ размысленіи о Немъ. «Какъ лань желаетъ къ потокамъ воды, такъ желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже! Жаждетъ душа моя къ Богу крѣпкому живому: когда прійду и явлюсь предъ лице Божіе! Слезы мои были для меня хлѣбомъ день и ночь, когда говорили мнѣ всякій день: гдѣ Богъ твой? (Пс. 31, 2—4). Скорби и несчастія, которыхъ обыкновенно стараются избѣгать въ жизни, любовь готова переносить ради Господа съ радостію. Она увѣрена, что своими страданіями входитъ въ общеніе страстей Христовыхъ (1 Петр. IV, 13).

Любовь совсѣмъ иначе смотритъ и на внѣшнюю природу. Последняя любящему Господа всегда представляется громогласною трубою, псалтирю, издающею пѣснь хвалы и благодаренія Творцу. «Ты возвеселилъ меня, Господи, твореніемъ Твоимъ: я восхищаюсь дѣлами рукъ Твоихъ» (Пс. 91, 5), восклицалъ царь Давидъ, котораго сердце было способно внимать хвалебному гимну природы.

Подъ воздѣйствіемъ любви и воля христіанина получаетъ необыкновенную силу въ осуществленіи своихъ благихъ желаній и

the clearest ways, the most striking signs of God, but he who loves Him, meets them everywhere. "Whither shall I go from thy spirit, or whither shall I flee from thy presence? If I ascend up into heaven, thou art there; if I take the wings of the morning and dwell in the uttermost parts of the sea; even there shall thy hand lead me, and thy right hand shall hold me; if I say: surely the darkness shall cover me, even the night shall be light about me; yea, the darkness hideth not from thee, but the night shineth as the day: the darkness and the light are both alike to thee" (Psalms, 19, 7—12).

He does not love God, often shuns the thought of God, in order to calm his restless conscience, but he who loves Him finds all his happiness in meditations about Him. "As the hart panteth after the water brooks, so panteth my soul after thee, O God; my soul thirsteth for God, for the living God: when shall I come and appear before God? My tears have been my meat day and night, while they continually say unto me, where is thy God?" (Psalms, 42, 1—3). Sorrows and happiness, generally shunned by people, are born by love with joy for the Lord's sake. Love is certain that in suffering it becomes a sharer of Christ's passion (1 Peter, IV, 13).

Love views exterior nature also quite differently. Nature always appears to him who loves God as a sonorous trumpet, a psalter, singing the praises of the Lord and gratefulness to him. "For thou, Lord, hast made me glad through thy work: I will triumph in the works of thy hands" (Psalms, 92, 4), cried king David, whose heart was capable of hearing nature's hymn of praises.

Under the action of love, the will of the Christian also gains an uncommon power for the realization of his good wishes and the attainment of his objects. This strength of the will forms the new and specially distinctive characteristic of Christian freedom. "I can do all things through Christ

достиженіи цѣлей. Эта сила воли составляетъ новый особый отличительный характеръ христіанской свободы. «Все могу въ укрѣпляющемъ меня Іисусѣ Христѣ» (Фил. IV, 13), говоритъ Апостоль, «ибо далъ намъ Богъ Духа не боязни, но любви. (2 Тим. 1, 7).

Исторія христіанства чрезвычайно богата примѣрами этого благодѣтельнаго вліянія христіанской любви на личность и общество, освобожденія и личной и общественной жизни отъ вѣчныхъ оковъ, возвышенія личности человѣка до нравственнаго состоянія небожителей, возвышенія жизни человѣка путемъ возвышенія личности его. По крайней мѣрѣ, несомнѣнно, что и личный и социальный прогрессъ, который совершился на глазахъ исторіи, совершился на почвѣ и подъ вліяніемъ христіанской любви.

Семья, напр., представляетъ въ общественной жизни самую необходимую и по своему значенію, наиболее важную сферу отношеній. По выраженію Милля, это кѣлочка общественнаго организма. Но семейныя отношенія только въ христіанствѣ и именно подъ вліяніемъ христіанской любви достигли своего полнаго развитія. Чувство христіанской любви въ этихъ отношеніяхъ наиболее полно выразилось. Та естественная связь, которая соединяетъ мужа и жену *въ плоть едину*, въ христіанствѣ возвышена до степени нравственнаго союза, высочайшимъ образомъ и примѣромъ которому служитъ союзъ Христа съ Церковію. Женщина въ этомъ религіозномъ союзѣ семейной любви — полноправная помощница мужчины, связанная съ нимъ тѣсными узами нравственнаго общенія. Ни одна религія въ мірѣ, по вѣрному замѣчанію Вуттке (Handb. d. Chr. Sittenlehre, II Bd. 227—228), не возвышаетъ такъ женщины, какъ христіанство. Какъ на особенную черту священной исторіи Новаго Завета, можно указать на то, что женщины отводятся въ этой исторіи самое видное мѣсто. Она является въ кругу учениковъ Христовыхъ (Марѳа и Марія, Лук. X, 38; Іоан.

which strengtheneth me, says St. Paul, ...for God hath not given us the spirit of fear, but of power and of love, and of a sound mind" (Philippians, IV, 13 and 1 Timothy, I, 7).

Christianity's history is extremely rich in examples of the beneficent influence of Christian charity on individuals and communities, of the emancipation of the life of persons and societies from exterior fetters, of the personality of man being raised to the moral condition of the dwellers in paradise, of the rise of the life of man through the rise of the personality. It is at least indubitable that both the personal and the social progress, history has witnessed, had been accomplished on the soil and under the influence of Christian love.

The family represents the most necessary and the most important sphere of relations in the social life. In the words of Mill it is a cell of the social organism. Yet family relations reached their full development only in Christianity and exactly under the influence of Christian love. In these relations Christian love found its most complete expression. The natural bond which unites man and wife into one body, is raised in Christianity to the level of a moral union, whose supreme prototype and example are in the union of Christ and the Church. In the religious bond of family love the woman the equal mate of the man bound to him by the intimate bond of moral intercourse. As Wuttke justly remarks (Handbuch der Christenische Sittenlehre, II Bund, 227—228), Christianity exalts woman as no other religion in the world. It is a special feature of the New Testament history, that woman is given in it a most conspicuous part. She appears among the disciples of Christ (Martha and Mary, Luke X, 38; John XII, 3 etc.). She is the last at the cross and the first at the resurrection; we see her in the communion of prayer with the members of the apostolic Church. The worship of Mary,

XII, 3 и др.) ; она послѣдняя у креста и первая при воскресеніи ; ее мы видимъ въ молитвенномъ общеніи съ членами апостольской Церкви. Почитаніе Маріи возможно, говоритъ Вуттке, только въ христіанской Церкви и не имѣетъ ничего себѣ подобнаго въ язычествѣ.

При полноправіи брачныхъ лицъ, христіанская семейная жизнь составляетъ совершенную и законченную форму семейныхъ отношеній. Христіанская супружеская жизнь является священнымъ храмомъ, подъ сѣнью котораго расцвѣтають добрые плоды. Обѣдѣли брака — и правственное восполненіе членовъ союза, и рожденіе и воспитаніе дѣтей находятъ здѣсь полное осуществленіе.

Что-же дѣлаетъ бракъ такимъ? Дѣлаетъ его такимъ христіанская любовь.

Вліяніе христіанской любви выходитъ за семейные предѣлы и сказывается благотворно и на общественной жизни.

Величайшимъ изъ золъ языческаго міра было, какъ извѣстно, рабство. Апостоль Павелъ считаетъ рабство несовмѣстимымъ съ истиннымъ достоинствомъ христіанина. «Рабомъ-ли ты призванъ, не смущайся ; но если и можешь сдѣлаться свободнымъ, то лучшимъ воспользуйся. Ибо рабъ, призванный въ Господь, есть свободный Господа ; равно и призванный свободнымъ есть рабъ Христовъ. Вы куплены дорогою цѣною ; не дѣлайтесь рабами чловѣковъ» (1 Кор. VII, 21—23). Но зло это было слишкомъ сильно, пустило слишкомъ глубокіе корни въ жизнь, чтобы его можно было излечить вдругъ. «Ученіе Церкви, говоритъ Валлонъ, должно было само привести къ уничтоженію рабства. Апостолы не требовали этого уничтоженія, и Отцы Церкви, даже послѣ преслѣдованія, стояли къ нему въ такомъ-же отношеніи ; ибо общество древнее, какъ ко Константина, такъ и во времена христіанскихъ императоровъ, всѣми своими привычками было связано съ институтомъ рабства. Нужно было болѣе, чѣмъ одинъ законъ, чтобы измѣнить такое

says Wuttke, is possible in the Christian Church only, and has no parallel in heathendom. The married couple having equal rights, the Christian family life makes up the complete and finished form of family relations. Christian marital life represents a sacred temple under the shelter of which blossom good fruit. The two objects of matrimony, the moral complementing of the members of the bond, and the bearing and bringing up of children, find in it their full realization.

What caused matrimony to become all this? Christian love was this cause.

The influence of Christian love steps over the limits of family and shows beneficially on the life of the society.

The greatest evil of the heathen world was slavery. St. Paul thinks that slavery is incompatible with the true dignity of a Christian. "Art thou called being a servant? — care not for it: but if thou mayest be made free, use it rather; for he that is called in the Lord, being a servant, is the Lord's free man: likewise also he that is called being free is Christ's servant; ye are bought with a price; be not ye the servants of men" (1 Corinthians, VII, 21—23). But the evil was too strong and its roots went too deep into life to be able to be cured suddenly. "The doctrine of the church, says Wallon, had to bring about the abolition of serfdom of itself. The Apostles did not demand this abolition, and the Fathers of the Church, even after the persecutions, preserved the same attitude towards it. Because, both before Constantine and under Christian Emperors, ancient society was tied to the institution of slavery by all its habits. More than one law was needed to change this state of things (Wallon, Histoire de l'esclavage, tome III, p. 318). Christian love changed it. A certain passage of St. John Chrysostom is most remarkable for in it this Father of the Church demands from the masters, that

положеніе вещей» (Wallon, Histoire de l'esclavage, t. III, s. 318). Измѣнила его христіанская любовь. Въ высшей степени замѣчательно одно мѣсто изъ творений Златоуста, гдѣ этотъ Отецъ Церкви требуетъ отъ господъ, чтобы они учили своихъ рабовъ ремесламъ, *дабы мочь потомъ освободить ихъ* (Злат. поуч. 40 на 1 Кор. гл. V). Ясно, что рабство могло быть уничтожено только съ самою строгою постепенностію. Въ христіанскомъ законодательствѣ сохранилось весьма много законовъ, направленныхъ къ смягченію участи рабовъ и уничтоженію рабства. Наиболее замѣчательны по своему характеру одинъ изъ самыхъ первыхъ законовъ Константина В., устанавливающій манумиссію (отпущеніе на волю) въ Церкви, въ присутствіи народа и при участіи епископовъ, которые подписывали актъ освобожденія. Освобожденіе раба было, говоритъ Тролонгъ, въ глазахъ Константина слѣдствіемъ религіознаго чувства (любви) (De l'influence du christianisme, s. 154). Клеръ получилъ отъ Константина В. специальную привиллегію давать полную свободу своимъ рабамъ чрезъ одно словесное объявленіе, безъ всякаго акта публичнаго. Эта привиллегія была тѣмъ болѣе дѣйствительна, что служители Церкви, проникнутые духомъ христіанской любви, смотрѣли на освобожденіе рабовъ, какъ на выраженіе духа христіанскаго братства (Ibid.).

Христіанство — это религія милосердія и участія къ бѣдности, болѣзни и несчастію. Широкая и плодотворная благотворительность въ исторіи Церкви — то благороднѣйшее явленіе, на которомъ съ отрадою останавливается взоръ обозрѣвателя древне-христіанской жизни. Гуманизирующее вліяніе христіанской любви на общественныя и международныя отношенія въ исторической жизни человѣчества не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Въ религіозномъ чувствѣ христіанской любви политическій деспотизмъ царей и владыкъ земныхъ нашель себя неустрашимаго

they should teach their slaves handicrafts, in order to be able later on to free them (Homily on 1 Corinthians, V). It is clear that slavery could be abolished only very gradually. Christian legislation preserves many laws directed to ease the life of the slaves and to abolish slavery. One of the earliest laws given out by Constantine the Great is most remarkable for its character, establishing the manumission (the act of making a slave free) within the Church, in the presence of the people, the bishops part being to sign the act of the emancipation. Troplong says, that in the eyes of Constantine freeing a slave was the result of religious sentiment, of love (De l'influence du christianisme, p. 154). The clergy granted by Constantine the Great the especial privilege of ensuring the complete freedom of their slaves simply by a verbal announcement, without any public action. This privilege was the more efficient because the servants of the Church penetrated with the spirit of Christian charity, considered that freeing slaves was an expression of the spirit of Christian brotherhood (Ibidem).

Christianity is the religion of mercy and compassion towards poverty, sickness and misfortune. A wide spread and fruitful charity is the noblest feature in the history of the Church, on which the eyes of the student of the past life of Christendom dwells with delight. The humanising influence of Christian love on the social and international relation in the human history is beyond the smallest doubt.

The political despotism of kings and earthly rulers found a fearless and, perhaps, the mightiest opponent in the religious sense of Christian love. Not to mention, that, penetrated with Christian love, the ruler of some people must necessary control within himself the impetuosity of the egotistical absolutism, for such impetuosity can not be reconciled to Christian love. The his-

и, быть можетъ, самаго могущественнаго противника. Мы уже не говоримъ о томъ, что проникнутый христіанскою любовію повелитель извѣстнаго народа по необходимости долженъ сдерживать въ себѣ порывы эгонистическаго абсолютизма, такъ какъ порывы эти не мирятся съ христіанскою любовію. Исторія христіанства полна примѣрами мужественнаго, хотя къ несчастью и не всегда достигавшаго цѣли, протеста служителей религіи противъ различныхъ злоупотребленій и жестокостей власти, полна примѣрами заступничества пастырей Церкви за угнетенныхъ и опальныхъ.

Однимъ изъ самыхъ яркихъ фактовъ въ этомъ отношеніи служитъ заступничество архіепископа Флавіана за антиохійцевъ, подвергшихся грозной опалѣ императора Θεодосія. Народъ антиохійскій, раздраженный чрезмѣрными податями, испровергнувъ статуи императора и императрицы. За вспышкою народной ярости послѣдовала всеобщая паника. Говорили, что Θεодосій хочетъ сжечь городъ вмѣстѣ съ его жителями и сравнить съ землею. Въ Антиохіи много было язычниковъ, были языческіе философы; но ни одинъ изъ нихъ не возвысилъ своего голоса въ защиту опальнаго города. «Всѣ эти люди, говоритъ св. Златоустъ, носящіе мантию, длинную бороду и посохъ, бѣжали изъ города и скрылись въ пещерахъ. Христіанскіе иноки помѣнялись съ ними ролями». Жители пустынь и уединеній явились въ городъ для того, чтобы выступить съ защитою виновныхъ.

Одинъ изъ иноковъ, Македоній, встрѣтившись съ комиссарами Θεодосія, которые были присланы для наказанія виновныхъ, мужественно остановилъ ихъ и смѣло сказалъ: «идите и скажите императору, что онъ человекъ, и что его подданные также люди, созданные по образу Божию. Онъ раздраженъ за бронзовыя изображенія. Не много-ли дороже изображеніе одушевленное и разумное? Не трудно замѣнить статуи; но когда императоръ умертвитъ людей, воскреситъ-ли

tory of the Church abounds in examples of the servants of faith manfully though not always fruitfully protesting against various abuses and cruelties on the part of the mighty; it abounds in examples of the pastors of the Church interceding on behalf of the persecuted and the disgraced.

One of the most graphic facts of the kind is Archbishop Flavian's defense of the Antiochians who fell under the ruinous ban of emperor Theodosius. The people of Antioch, irritated by overtaxation, threw down the statues of the emperor and empress. The flaring up of popular wrath was followed by a general panic. It was reported that Theodosius intended to burn the town and its inhabitants and then level the ground over it. There were many heathens in Antioch, there were some heathen philosophers, but none of them spoke in defense of the city in disgrace. St. John Chrysostom says: "all these people, wearing cloaks and long beards and carrying staffs, escaped from the city and hid in the caves; Christian anchorites exchanged parts with them". The recluse of lonely deserts appeared in the city in order to intercede for the guilty.

Macedonius, one of the monks, meets the commissioners of Theodosius sent to punish the culprits, courageously stops them and speaks to them: "go and tell the emperor that he is a man and that his subjects are also men, created unto the likeness of God. He is angry because of bronze images. But is not an animated rational image much more precious. It is not difficult to replace statues; but if the emperor destroys men, can he resuscitate them?"

At last the aged patriarch Flavian of Antioch dares personally to approach the emperor to implore his mercy. "Remember, Master, he says to Theodosius, the day when we shall have to give an account for our deeds and think that, if you are guilty of some transgressions, you can redeem them

онъ ихъ?» Наконецъ, престарѣлый архіепископъ Антиохій Флавіанъ рѣшается самъ лично отправиться къ императору, чтобы преклонить его на милость. «Вспомни, государь, говоритъ онъ Θεодосію, тотъ день, когда мы дадимъ отчетъ въ своихъ поступкахъ и подумай, что если ты совершилъ преступленія, то можешь изгладить ихъ прощениемъ, безъ борьбы, безъ усилій. Я приближаюсь къ тебѣ съ книгою нашего святого закона въ рукахъ; я представляю ее тебѣ вмѣсто всѣхъ даровъ, и заклинаю тебя подражать твоему Верховному Владыкѣ, Который, не смотря на наши каждодневныя прегрѣшенія, не перестаетъ расточать намъ свои благодѣянія».

Просьба и слова Флавіана подѣйствовали на Θεодосіа. Онъ простилъ мятежниковъ, и престарѣлый архіепископъ возвѣстилъ имъ въ праздникъ Пасхи вмѣстѣ съ пасхальнымъ благовѣстіемъ радостную вѣсть помилованія (Laurent, t. IV, p. 399—402).

Всѣмъ извѣстно мужественное сопротивление Златоуста императрицѣ Евдоксіи, когда та желала присвоить себѣ виноградникъ нѣкоторыхъ бѣдныхъ вдовъ, и грозная анаѣма Амвросія Медиоланскаго, которую этотъ архіепископъ изрекъ надъ Θεодосіемъ послѣ безчеловѣчнаго избіенія вессалоникійцевъ. Этою анаѣмою, говоритъ Шатель, св. Амвросій отомстилъ за погрѣшенія права человечества и вызвалъ эдиктъ, предохранявшій вѣпильчиваго императора въ будущемъ отъ безчеловѣчныхъ и безумныхъ распоряженій въ порывѣ гнѣва (Chastel, Etudes historiques sur l'influence de la charite, p. 171—172).

Изъ нашей отечественной исторіи всѣмъ извѣстны столкновения съ Грознымъ митрополита Филиппа, требовавшаго отъ деспотическаго царя уничтоженія опричины. Правда, эти столкновения окончились мученическою кончиною святителя и не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, но твердый голосъ христіанской любви въ лицѣ святителя Фи-

by forgiveness, without struggle, without effort. I approach you with the book of our sacred law in hand; I present it to you instead of all gifts, and conjure you to imitate your Supreme Master, who, in spite of our daily transgressions, never ceases to pour benefactions on us”.

The intercession and the words of Flavian impressed Theodosius. He forgave the rebels, and their aged chief priest announced to them the glad news of mercy on Easter day when giving to them the Paschal greeting (Laurent, t. IV, pp. 399—402).

Everyone knows of the courageous resistance of St. John Chrysostom to the Empress Eudoxia when she intended to appropriate the vineyard owned by some poor widows; everyone knows the dreadful anathema that Ambrosius of Milan pronounced against Theodosius for his inhuman slaughter of the Thessalonians. Chastel says, that by this anathema St. Ambrosius vindicated the down-trodden rights of man and brought forth an edict which guarded the fiery temper of the emperor against inhuman orders insanely given in a gust of wrath (Chastel, Etudes historiques sur l'influence de la charite, pp. 171—172).

The history of our own country relates the universally known conflict between John the Terrible and metropolitan Phillip, who demanded from the despotic tsar the abolition of his bloodthirsty favorites (oprichniki). It is true that the conflict ended by the saintly prelate's dying the death of a martyr without achieving the desired result, but nevertheless the firm voice of metropolitan Phillip did pronounce a condemnatory verdict against violence.

As a supreme expression of the spirit of Christian love we may mention Christian missions at home and abroad. If, we admit, missions deserve some of the reproaches, which we have often heard of late, it is not because of their exalted object, but because

липа произнесъ свой осуждающій приговоръ противъ насилія.

Какъ на высшее выраженіе духа любви христіанской, можно указать на христіанскія миссіи — внутреннюю и вѣншнюю. Если, допустимъ, миссіи и заслуживаютъ нареканій, который такъ часто раздаются противъ нихъ въ настоящее время, то вовсе не по своей высокой цѣли, а по тѣмъ изрѣдка, быть можетъ, нецѣлесообразнымъ средствамъ, какія употребляютъ ими. Во всякомъ дѣлѣ могутъ быть ошибки, — и эти ошибки могутъ быть и въ миссіонерствѣ, — но что миссіи суть самый величественный плодъ чувства христіанской любви, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

Внѣ Церкви нѣтъ спасенія. Миссіонеры проникаются этою идеею, отдаются осуществленію ея, самоотверженно стараются практически провести ее въ жизнь людей. На пути встрѣчается вопросъ о свободѣ совѣсти. Что-же? Должны-ли миссіонеры, вслѣдствіе этого, отказаться отъ своего святаго дѣла, или должны дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовали въ этомъ случаѣ въ свое время св. отцы? Конечно, они должны слѣдовать примѣру св. отцовъ. Современность требуетъ свободы во всемъ, требуетъ той-же свободы и въ религіи. Она требуетъ, чтобы личности вѣрующаго предоставлена была полная свобода желать спасенія вѣчнаго или гибели вѣчной, предоставлено было право вѣровать во что угодно и какъ угодно. Такое требованіе противорѣчитъ задачѣ Церкви, данной ей ея Основателемъ, задачѣ — научить всѣхъ и крестить всѣхъ, чтобы спасти всѣхъ. Миссіонеры должны, поэтому, не взирая ни на что, дѣйствовать въ интересахъ вѣчнаго спасенія людей, т. е. въ интересахъ Церкви, — слабыхъ изъ вѣрующихъ они должны утвердить въ вѣрѣ, отпадшихъ отъ Церкви привести къ ней, заблуждающихся наставить и т. п. Дѣйствуя такъ, они освобождаютъ человѣка изъ сѣти заблужденій, — просвѣщая его истиною, дѣлаютъ

of the inefficient means they at times adopt. Mistakes may occur in every work, they may also occur in the work of missionaries, but, in spite of this the missions themselves are, beyond any doubt, the grandest result of Christian-charity.

Outside the Church there is no salvation. Missionaries become so pervaded with this idea, that they devote themselves to its realization, trying practically to introduce it into the lives of men, with much self abnegation. On the way to its accomplishment they meet the question of the freedom of conscience. What is to be done about it? Should missionaries give up their sacred calling on account of this, or should they act as the holy fathers acted in similar circumstances, in their time? Of course, they must follow the example of the fathers.

Modern ideas demand freedom in everything, they demand it in religion also. They demand the right for the individual believer the complete freedom to choose eternal salvation or eternal perdition, they demand for him the right to believe what and how he chooses.

Such a demand is contrary to the objects of the Church, which were given to it by its Founder, and which consist in teaching all and baptizing all, that all should be saved. Therefore, in spite of everything, missionaries must act in the interests of the eternal salvation of men, that is, in the interests of the Church, strengthening the faith of the weak, bringing those who fall away back to the Church, teach those who are in error, etc. Acting thus, they free men from the nets of errors, enlightening them with the light of truth, making them truly free, because, becoming free inwardly and spiritually, man is freed from external fetters as well.

If Christian love and the ideas resulting from it penetrate into the interests of

его истинно свободнымъ, ибо, дѣлаясь свободнымъ внутренно, духовно, человекъ освобождается и отъ вѣшнихъ оковъ.

Если въ нашей жизни христіанская любовь и все вытекающія изъ нея идеи проникнуть въ наши интересы, если послѣдніе и по духу и на дѣлѣ станутъ христіанскими, тогда вопросъ о свободѣ совѣсти — этотъ самый трудный вопросъ жизни — разрешится самъ собою. Человекъ, родившійся въ недрахъ Церкви святой, будетъ любить ее, какъ мать свою, и совѣсть его никогда не будутъ смущать тѣ заботы, которыя его нѣжно любящая мать имѣетъ о немъ. Только любви надо, побольше любви, ибо безъ нея нынѣшняя жизнь съ этимъ, всецѣлшимся въ нее эгоизмомъ, будетъ не возвышаться, а падать, какъ бы краснорѣчиво ни говорили объ улучшеніи ея. Мы видимъ, что теперь и социализмъ, и даже анархизмъ обосновываются на любви и, сознавая всю силу ея, во имя ея пытаются въ интересахъ будущаго разрубить настоящее. Но любовь не знаетъ разрушенія. Она не уничтожаетъ, а исправляетъ дурное, создаетъ и укрѣпляетъ доброе. Она своего не ищетъ и поэтому чужда всего эгоистическаго, поэтому не знаетъ она и раздѣленій. Св. Златоустъ въ объясненіи словъ Апостола: «во Христѣ Іисусѣ имѣетъ силу только «вѣра любовью воспѣшествована» (Гал. V, 6), говорить: «апостоль показываетъ, что отклоненіе отъ истины происходитъ отъ неутвержденія въ любви ко Христу; ибо здѣсь не вѣра только требуется, но и пребываніе въ любви» (Св. Златоустъ, на посл. къ Гал. V гл.). Исторія говоритъ, что пребываніе въ любви совершаетъ поразительно-благодѣтельный переворотъ въ жизни человека личной и общественной. О, если бы въ жизни нашей было поменьше словъ о вѣрѣ и побольше дѣлъ любви, но первыхъ будетъ меньше тогда, когда будетъ больше послѣднихъ. Вѣра намъ указана, любовь намъ предложена. Остается только показывать христіанину свою вѣру въ дѣлахъ любви, чтобы совѣсть его была спо-

our life, if the latter become Christian in spirit and in deed, the question of the freedom of conscience, the most difficult of all the questions of life, will be solved of itself. He who has been borne within the holy Church, will love it as his own mother, and his conscience will never be troubled by the care which the tender love of his mother takes of him. We need love only, more love, because, without it, modern life, so completely imbued with egotism, will go no higher, but will debase itself however eloquently people may talk of its improvement. At present we see socialism and even anarchism take love for a foundation, and, conscious of its power, try in its name to destroy the present for the sake of the future. Yet love knows no destruction. It does not destroy but corrects evil, it creates and strengthens what is good. St. John Chrysostom commenting on St. Paul's saying that "in Jesus Christ nothing availeth..., but faith which worketh by love" (Galatians, V, 6), says: "the apostle shows that a falling away from truth comes from lack of firmness in the love of Christ; because here not only faith is necessary, but the abiding in love also" (St. John Chrysostom, Homily on the Fifth Chapter of St. Paul's Epistle to Galatians).

History tells us that dwelling in love accomplishes a wonderfully beneficent revolution in the private and social life of man. Oh, if there were less words about love, but more deeds of love! But the former will diminish only when the latter increase. Faith has been shown to us, love has been offered to us. A Christian has but to show his faith in deeds of love in order that his conscience be at peace with regard to faith. Only then, having gained such an attitude towards the demand of faith, the people, who until now seemingly try not to understand each other in questions of faith, would spontaneously agree about that which *alone*

койна относительно вѣры. Тогда, при такомъ отношеніи къ требованіямъ вѣры, люди, которые какъ бы стараются не понимать другъ друга въ вопросахъ вѣры, безъ словъ сговорились бы о томъ, что есть «единое на потребу», о томъ, что надо не называться только христіаниномъ, а жить по христіански; не интересоваться религіозными вопросами настолько, чтобы сдѣлать изъ нихъ злобу дня, а потомъ и забыть, а воплотить ихъ въ своей жизни, осуществить въ своихъ интересахъ. Трудное это дѣло. Человѣку приходится при этомъ отречься отъ того, съ чѣмъ онъ сжился, приходится отречься отъ той свободы, въ сферѣ которой онъ привыкъ жить и всесторонне развиваться, приходится потерять эту свободу, чтобы стать свободнымъ..., но не тою свободою, которую желалъ бы для него г. Стаховичъ.

Свобода христіанская есть свобода отреченія, самоограниченія, а это и есть тяжесть христіанской любви. Тяжесть эта могла бы оказаться выше силъ человѣка, если бы та же любовь не указывала ему на блаженную вѣчность.

Въ сущности только съ точки вѣчности и должно рѣшать и можно рѣшить вопросъ о свободѣ совѣсти. Я вѣрю въ вѣчность, потому что вѣрю во Христа — Бога и въ Его божественную къ намъ любовь, которая никогда не отпадаетъ,—я вѣрю въ Него и люблю Его, любящаго меня, люблю и ближнихъ моихъ, которыхъ Онъ любитъ. Я, поэтому, свободенъ. Любовь — это свѣтильникъ, который неугасаемо горитъ въ Церкви Христовой, освѣщая путь въ вѣчную блаженную жизнь, свѣтильникъ, пламя котораго не задуетъ никакое человѣческое мудрованіе, — свѣтильникъ, при свѣтѣ котораго истинный христіанинъ свободно совершаетъ свой путь въ горнее отечество.

availeth, they would agree that it is necessary not only to bear the name of a Christian, but to lead a Christian life; not simply to be interested in religious questions enough to make the "evil of the day" of them, subsequently forgetting them, but to incarnate them in our life and realize them in our interests.

It is a hard task. To accomplish it, man has to give up that to which he is accustomed, he has to give up the freedom in the midst of which he is accustomed to live and find his many-sided development. He has to love that freedom, in order to become free..., but not free as M. Stahovich should wish him to be.

The freedom of a Christian is the freedom of abnegation and of self restriction; it is this that constitutes the burden of Christian love. The burden might prove beyond the power of man, if it were not that the same love disclosed before him an eternity of bliss.

Indeed, it is only from the point of view of eternity that the problem of the freedom of conscience should and could be solved. I believe in eternity, because I believe in Christ my God and in His divine love for us, which never fail. I believe in Him and pray to Him, who loves me; I also love my neighbours, whom He loves. Therefore, I am free. Love is the light which always burns in the Church of Christ without extinction, lighting up the path to the eternal blissful life, whose flame can be extinguished by no human sophistry; a light by which a true Christian freely accomplishes his voyage to his supreme fatherland.

По Штатамъ и Аляскѣ.

Изъ дорожныхъ впечатлѣній спутника
Его Высокопреосвященства.

(Окончаніе.)

Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ.

Уютно, тепло, хорошо чувствовалось подъ кровлей небольшого домика, въ которомъ обиталъ стражъ Ситки С. І. Костромитиновъ, и въ которомъ, наканунѣ отъѣзда Владыки изъ Ситки, принималъ онъ высокаго Гостя: хлѣбомъ-солью встрѣчали здѣсь Владыку, и безъ хлѣба-соли не отпустили. Да не хотѣлось и уходить отсюда. Какой бы русскій православный человѣкъ не почувствовалъ себя здѣсь какъ дома! Въ углу божница, предъ прекрасными образами теплится лампадка, по стѣнамъ русскія картины и портреты Архипастырей Американскихъ и дѣятелей Аляски. Чего не расскажутъ стѣны, дополнять альбомы съ фотографіями, видами, и разныя вещицы. Всѣмъ этимъ иллюстрируются безконечныя воспоминанія и рассказы старожила-очевидца хозяина. Чего самъ онъ не видѣлъ, то слышалъ изъ первыхъ устъ, и спѣшить въ неповрежденности передать о быломъ своимъ слушателямъ. Гдѣ только на Аляскѣ онъ не былъ, чего только не видалъ, не испыталъ, въ какихъ только экспедиціяхъ — этнографическихъ, географическихъ, военныхъ и пр. не бывалъ участникомъ, переводчикомъ, проводникомъ! Сколько разъ подвергался самымъ серьезнымъ опасностямъ — погибнуть, замерзнуть, утонуть въ пути! Образная русская рѣчь Сергѣя Іоновича водила насъ по судьбамъ Аляски, — ея далекаго прошлаго, ея недавнопрошедшаго, ея настоящаго. Съ умилениемъ вспоминалъ онъ и въ сотый разъ рассказывалъ, какъ еще блаженной памяти митр. Исидоръ утвердилъ его каведр. старостою. Живо воспроизводитъ онъ исторію Миссін, дѣятельность и труды бывшихъ Архипастырей... Въ отроческіе свои годы былъ онъ свидѣтелемъ печальнѣйшаго событія — продажи Россіей Аляски

С. Штатамъ. Живо запечатлѣлась въ его молодомъ сознаниі эта раздирающая картина — паденія русскаго флага на русскіе-же штыки... Эта историческая драма была драмой и въ судьбахъ его семьи. Собирались родители его тогда же ѣхать въ Россію, но не могли, и такимъ образомъ вмѣстѣ съ Аляской проданъ былъ за 8 милліоновъ рублей Америкѣ и нашъ Сергѣй Іоновичъ. Но полетолѣтія не искалѣчили чистотой русской души русскаго мальчугана: изъ него выросъ прекрасный теперь уже убѣленный сѣдинами мужъ, горящій пламенной любовью къ странѣ своихъ отцовъ, къ ея судьбамъ и къ родной православной Церкви... Благодарно вспоминалъ онъ и то, какъ когда то Владыка Николай совершенно случайно нашелъ его близкихъ родственниковъ въ Калифорніи, тоже Костромитиновыхъ. И всѣ эти образа, портреты — благословеніе Архипастырей, пастырей, друзей, любившихъ его, цѣнившихъ его русскую душу, его преданность русскому православному дѣлу. А въ почетномъ углу на особомъ столѣ красовался **ВЫСОЧАЙШЕ** пожалованный С. І-чу за его вѣрную службу Церкви подарокъ, драгоценный кубокъ, съ выгравированной на немъ надписью и Царскими инициалами.

Нерушимо блюлись русскія традиціи и достойной супругой С. І-ча. Трапеза была пріятнѣйшая. Были и пироги и селедочка, и прочее что въ сихъ случаяхъ полагается, — только прозрачная кристальная вода изъ индіанской рѣчки замѣняла шипучія питія. На привѣтствіе принесенное хозяиномъ Высокопреосвященнѣйшему Гостю-Архипастырю, отвѣтилъ Владыка сердечнѣйшей здравицей, пожелавъ С. Іоновичу еще много-много лѣтъ украшать Ситкинскую православную колонию, и многополезною его дѣятельностью радовать всѣхъ...

Горячо благодарили Владыку за посѣщеніе домашніе С. І-ча, а самъ онъ, сіяя обычнымъ добродушіемъ во все свое типичное русское лицо, сейчасъ же — какъ всегда это дѣлалъ — вооружился большимъ зонтикомъ

и бережно охранялъ своего Гостя отъ мелкаго дождя по всю дорогу до Архіерейскаго дома, стараясь самъ оставаться на полшага позади Владыки. Милая, душевная почтительность! Привѣтъ Вамъ, дорогой нашъ Сергій Іоновичъ!

Намъ оставалось только ночь провести въ Ситкѣ. На утро возвѣщено было приближеніе Dolphian'a, на которомъ предстояло Его Высокопреосвященству отбыть до Джуно, чтобы тамъ дожидаться Портланда и на послѣднемъ ѣхать въ болѣе отдаленную Аляску. Діаконъ долженъ былъ доканчивать на источникахъ курсъ леченія, и затѣмъ уже, по уврачеваніи немощей, выѣхать въ Сеаттл во срѣтеніе Владыкѣ; мнѣ же — часъ приѣль возвращаться во свояси, ибо отсюда Его Высокопреосвященство бралъ другаго спутника, о. А. Кашеварова, извѣдывшаго Аляску вдоль и поперекъ, знающаго здѣсь всѣ ходы и выходы и по должности своей имѣвшаго представить Владыкѣ хотя въ части свое благочиніе...

Гѣни минувшаго.

Близился часъ отъѣзда. А въ душѣ тѣснились впечатлѣнія отъ всего здѣсь видѣннаго и слышаннаго. И хотѣлось бы еще и еще пожить здѣсь, любоваться этими перспективами моря, вулканическихъ горъ, дышать этимъ роднымъ воздухомъ такъ недавно еще русской земли... Мысль еще разъ пробѣгала по пережитому миссіей нашей и Русью въ этой далекой части Божьяго свѣта былому... Вотъ первая горсточка Валаамск. старцевъ, со всею ревностью ринувшихся на святое дѣло проевѣщенія дикарей... Вотъ Германъ, кротостью и подвигами своими стяжавшій себѣ ореолъ святаго, прославленія котораго жаждетъ уже много лѣтъ православная Аляска. Вотъ Ювеналій, измученный, истерзанный, знавшій о часѣ своей смерти и въ предсмертные часы повѣдавшій въ дневникѣ скорбную повѣсть своего среди дикарей мис-

сіонерствованія... Вотъ безпомощно борется съ бурнымъ моремъ русское судно, — всѣ средства исчерпаны, всѣ надежды потеряны... Гигантской волной бросаетъ его на рифъ, и разбивается оно въ щепки погребая въ пучинѣ морской перваго святителя Аляскинскаго Іоасафа и братію съ нимъ... И такъ безъ конца...

Какъ въ забытьи вижу я — шумигъ, вертится огромное колесо циклопической мельницы въ Ситкѣ, — ожила она вдругъ, заработала, цѣлыя облака пѣны забивая и выбрасывая при каждомъ оборотѣ колеса, то тамъ—то здѣсь раздаются барабанная дробь, то тамъ—то здѣсь мелькаютъ русскія рубахи, слышенъ русскій говоръ... Смерклося. Но сумерки эти блѣдны. Причудливо вырисовывается на горкѣ замокъ старинной русской въ срубъ постройки. Окна ярко освѣщены, и сквозь нихъ далеко по вечернему воздуху, выкликакая то тамъ то здѣсь эхо, несутся знакомые звуки незнакомой пѣсни... «Праздникъ у Баранова», угадываютъ обыватели... Звонкимъ теноромъ завель зашвало:

«Ахъ, въ восемьсотъ восьмомъ году,
«Въ Ново-Архангельскомъ порту...

И вдругъ грянули хоромъ:

«Ай люли, ай люли,
«Въ Ново-Архангельскомъ порту...

И пошло... Все пибче и шибче льется пѣсня, будя вечернюю тишину...

«Подъ державою Монарха,
«Всероссійскаго Царя
«Ай люли — ай люли,
«Всероссійскаго Царя...

Не стерпѣлъ другой теноръ, захотѣлось и ему свою удалъ показать, и чуть «люли» закончили, молодецки зашлъ онъ:

«Всероссійскаго Царя,
«Александра Перваго...

Знаютъ пѣвцы, что Барановъ больше всего любитъ эту пѣсню, и все звонче и громче каждый свою ноту подводитъ:

«Ай люля, ай люли!
«Александра Перваго...

И пошли безъ передвиги:

«Что на Ситкѣ острову,
 «Стоитъ крѣпость на горѣ,
 «Стоитъ крѣпость на горѣ
 «Во всей сушей красотѣ...
 «Въ ней промышленны стояли,
 «Темны ночи мало спали,
 «Темны ночи мало спали:
 «Свою крѣпость сохраняли.
 «Мы туда-сюда смотрѣли,
 «Бздятъ тамъ крутомъ боты.
 «Ай люли! ай люли, —
 «Бздятъ тамъ крутомъ боты.
 «Въ ботахъ люди несравненны,
 «Аки звѣри разъяренны...
 «Они ходятъ нагишомъ,
 «Не обувши-босикомъ.
 «Принакрасившись корой,
 «Принапудрившись перомъ.
 «Они вздумали злодѣи
 «Насъ во слабостяхъ найти!
 Куда тамъ!
 «Несмотря на ихъ отвагу
 «Мы исправилась во всемъ...
 Еще бы!
 «Красна весна наступила,
 «Покатились снѣжки съ горъ.
 «Мелки пташечки запѣли,
 «Намъ умножилось заботъ.
 «Что на бухтѣ то туманъ,
 «Тамъ Барановъ ѣдетъ къ намъ.
 «Легки шляпочки пускали,
 «Мы Баранова встрѣчали:
 «Здравствуй, батюшка-отецъ!
 «Мы совьемъ тебѣ вѣнецъ!
 «Мы совьемъ тебѣ вѣнецъ
 «Отъ своихъ чистыхъ сердецъ,
 «На головушку надѣнемъ,
 «Браву пѣсню запоемъ.
 «Запоемъ мы, запоемъ,
 «Какъ въ Америкѣ живемъ.
 «Мы въ Америкѣ живали,
 «По сто лозъ мы получали,
 «По сто лозъ мы получали,
 «По полчарки выпивали,
 «По полчарки выпивали,
 «Все мы горе забывали...
 «Ай люли, ай люли,
 «Все мы горе забывали!»

Долго, не смолкая, все подавая жару, распѣваютъ тѣлохранители Баранова эту его любимую пѣсню. Ни одно торжество его, — во дворцѣ ли, на кораблѣ ли, или еще гдѣ индѣ, не обходится безъ этой пѣсни... И чудится мнѣ, будто какъ гремѣла она сто лѣтъ тому назадъ надъ этими водами, такъ и рѣ-
 етъ все еще ея мелодія здѣсь, встрѣчая от-

кликъ въ русскихъ сердцахъ... Умѣлъ Барановъ, царство ему небесное, и погулять!..

Прощаніе.

Гууу... вывелъ меня изъ забытья пароходный свистокъ, и почти въ ту же минуту прибѣжали приютчане, — кто пошустрѣе — сообщить, что Dolphian причалилъ. Уже!.. Молебствіе. Многолѣтія. Прощальное наставленіе и благословеніе Архипастыря паствѣ Ситкинской... Еще нѣсколько минутъ и Высокопреосвященнѣйшій Владыка, провожаемый всею мѣстною церковью, грядетъ къ пристани. Гудятъ колокола въ нацутствіе дорогому Путнику, какъ будто желая навсегда оставить память о себѣ... Прощай, русскій уголокъ, прощай Ситка старушка!.. Богъ да хранить тебя!..

Ахъ, грустно какъ разставаться!.. Долго ли были мы здѣсь, а какъ крѣпко русская земля, русскіе люди, русскія святыни привязали къ себѣ сердце Архипастыря Путника... Когда еще приведетъ Господь, да и приведетъ ли, побывать здѣсь!..

А мнѣ вдвойнѣ тяжело. Черезъ нѣсколько часовъ — мы въ Джуно, и оттуда Владыка направитъ свои стопы далѣе въ Аляску, къ жаждущей благословенія его паствѣ, а я — къ Атлантику. Сжимается грустью сердце: не выскажешь какъ! А часы какъ на зло все короче и короче. Прошу и прошу Владыку: «Владыко! поѣдьте домой!» — «Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно!»...

Вотъ и Джуно. Полчаса остановки. Только и успѣлъ проводить Владыку къ приходскому дому... А тамъ подкатило къ горлу... Прощаться надо... «Не остаться ли?.. Пароходъ пропустить?»... «Берегите себя, Владыко святой!» Со слезами цѣлую руки Архипастыря и — не оглядываясь — бѣгомъ къ берегу... Ахъ, если бы опоздать!..

Снова вода, снова берега, снова несравненные виды, снова поэзія... Но увы! на все это наброшено покрывало унынія... Всѣмъ

существомъ своимъ я еще тамъ на берегу, въ маленькомъ домикѣ Джуповскаго пастыря, гдѣ остался Владыка, собираясь въ далекій и трудный путь, на встрѣчу невгодамъ, морскимъ болѣзнямъ...

Промелькнули кипучій Сеаттл. Радужный Миннеаполисъ. Бурная Ніагара. И я — въ Нью-Йоркѣ.

Слава Тебѣ, Господи! Пути конецъ — и сказу конецъ!

Post Scriptum.

Раннею осенью Господь возвратилъ Высокопреосвященнѣйшаго Владыку здрава и невредима въ предѣлы Калифорніи. Сюда къ тому же времени прибылъ о. Всеволодъ, бодрый и исцѣлѣвшій. Съ здоровьемъ вернулось къ нему и прекрасное самочувствіе. Теперь уже, вмѣсто дорожнаго посохнаго имъ гдѣ-то бинокля, на такомъ же ремнѣ чрезъ плечо посылъ онъ фотографическую камеру и преусердно снималъ и виды и лица, — все что на пути казалось ему достойнымъ вниманія и увѣковѣченія. Поправится ему какой-либо типъ, сейчасъ любезно-любезно такъ за рукавъ: «плизъ, мистеръ, вонъ минутъ!»... Остановить, наведетъ аппаратъ, чикъ — и готово!.. Бѣда только, что все на одну и ту же пластинку...

Въ ту пору въ Анджелесъ-Кэмпъ освященіе церкви предстояло. Туда о. діаконъ впередъ и проѣхалъ, — къ встрѣчѣ Архипастырскаго все уготовать. И сразу такъ всѣхъ сербовъ мѣстныхъ обворожилъ, что тѣ, желая какъ наилучше торжество обставить, о. Всеволода возглавлять депутацію съ хлѣбомъ-солью на утро во срѣтеніе Владыкѣ уполномочили.

Утромъ Его Высокопреосвященство, чуть въ сопровожденіи генеральнаго консула въ экипажѣ подѣхалъ къ церкви изволилъ и къ наперти сталъ подходить, о. Всеволодъ тутъ какъ тутъ съ хлѣбомъ и солью:

«Ваше Высокопреосвященство! Мы, православные сербы...

— Что ты, что ты, діаконъ... Перестань...

Но о. діаконъ не восхотѣ разумѣти.

Чуть чуть прищуренный глазъ его хитро подмигнулъ на рядомъ стоявшихъ сербовъ, и многозначительно кашлянувъ, ораторъ началъ оицъ:

«Мы, православные сербы...

— Діаконъ, діаконъ, брось, говорю...

— Какъ благословите, Владыко святой, а только мы, дѣйствительно, сербы, потому что какъ они просили...

Но вдругъ, вспомнивъ должно быть о своихъ прямыхъ обязанностяхъ, о. Всеволодъ могучимъ и выеочайшимъ гласомъ на весь Анджелесъ-Кэмпъ возгремѣлъ:

«Пре-е-му-у-дрость!»

А. Х.

ПОѢЗДНА МОЯ НА РОДИНУ.

(Окончаніе.)

За время этого пребыванія въ Россіи въ Кіевѣ пришлось побывать три раза и всякій разъ я не могъ не забѣжать въ Кіево-Братскую Обитель (на Подолѣ) поклониться чудотворному образу «Братской Царицы Небесной», посмотреть Кіевскій разсадникъ нашихъ архипастырей, великихъ профессоровъ, ученыхъ богослововъ... Нужно было представиться и Преосвященному Ректору Академіи и спросить у Его Преосвященства благословеніе и разрѣшеніе на предложеніе монашествующимъ ѣхать въ Америку. Конечно былъ въ Дальнихъ и Ближнихъ Пещерахъ Великой Лавры Печерской. Съ особымъ подъемомъ вѣры выходишь изъ этихъ Кіевскихъ катакомбъ, большая сила чувствуется въ тебѣ, больше увѣренности, твердости... Представился и Первосвятителю Кіевской церкви, Высокопреосвященному Митрополиту Флавіану и просилъ разрѣшенія и благословенія взять подходящихъ монаше-

ствующихъ для Миссіи. При этомъ я разска- залъ Первосвятителю, какъ бываетъ тяжело наше миссіонерствованіе и какіе нападки приходится переживать намъ во главѣ съ Владыкою нашимъ — отъ всякихъ иновѣрцевъ, іезуитовъ и особенно отъ евреевъ — этихъ ненавистниковъ всего христіанскаго и особенно русскаго православія. Изъ Кіева пришлось взять всего три послушника, іеромонахи не поѣхали, слишкомъ тяжелыми имъ показались подвиги и лишеныя, которыя приходится на долю каждаго изъ насъ, не исключая и всѣхъ Владыкъ нашихъ. Нужно было ѣхать въ Москву, которая также отличается своими монастырями. Но прежде необходимо было проѣхать Москву, чтобы побывать въ Петербургѣ и попытать счастья — не найдутся ли тамъ желающіе потрудиться въ нашей Миссіи. Въ Петербургѣ меня допустили и въ главное наше центральное церковное управленіе — именуемое Святейшимъ Правительствующимъ Синодомъ. Здѣсь я видѣлъ многихъ святителей нашей Русской Церкви, такъ какъ кромѣ обычныхъ членовъ Синода въ это время съѣхались и ректора всѣхъ Академій и другіе архипастыри. Удостоился быть представленнымъ и Господину Оберъ-Прокурору Владиміру Карловичу Саблеру, котораго привѣтствовалъ отъ имени Владыки и Миссіи.

Былъ въ Александро-Невской Лаврѣ—славѣ и гордости Петрограда. Монашествующихъ желающихъ подвизаться въ нашей Миссіи не нашлось. Посѣтилъ и знаменитые храмы Россіи, какихъ нѣтъ, не будетъ ни въ Америкѣ, ни въ Европѣ. Пусть пріѣдутъ и посмотрятъ европейцы и американцы нашъ Казанскій Соборъ, Псаакіевскій, а «храмъ на крови», а всѣ другіе храмы Петербурга, Кіева, Москвы и всѣхъ городовъ нашей Родины... Что за великолѣпіе, что за мощь русская сказывается въ этихъ гигантахъ—Казанскомъ, Псаакіевскомъ соборахъ, какая вѣра проявлена матушки Руси во всемъ блескѣ и великолѣпнн ихъ, какое богатство и твор-

чества русскаго и изобиліе жертвъ. Все это нужно видѣть и невозможно разсказать. Нужно видѣть восторгъ американскихъ и европейскихъ туристовъ, поражающихся громадностью нашихъ храмовъ, ихъ великолѣпнємъ, богатствомъ. И отрадно становится на душѣ... Матушка родная, святая Русь православная, какъ ты велика въ своей вѣрѣ святой, въ своей любви къ храмамъ Божиимъ... И не больно намъ и нестыдно за нашу убогость тутъ на чужбнѣ. Да и здѣсь въ Америкѣ есть у насъ храмы достойные Россіи. И здѣсь такіе храмы, какъ соборъ Нью-Йоркскій, церковь Джерзиситская, Бридж-портская, Пассайкекая, Миннеаполисская, Бруклинская, Юнкерекая, Филадельфійская, Чикагская и еще другія — вызываютъ восхищеніе у американцевъ. О, благородные Американцы, поѣзжайте въ Россію, посмотрите тамъ русское наше православное храмоздательство и вы узнаете каковъ нашъ русскій православный народъ...

Одна Москва съ своими «сорокъ сороковъ» церковей поражаетъ всѣхъ бывающихъ въ ней. Москва — сердце Россіи. Какая ширь, могучесть, чистая русскость охватываетъ при вѣздѣ въ Москву. Вотъ она — гордость наша, вотъ она красавица Москва... Вотъ и Кремль Святой... Ивановская Колокольня, Царь Колоколь, Царь Пушка, а вотъ и самъ Царь-Освободитель, Царскій Дворецъ, Соборы—Благовѣщенскій, Успенскій, Церковь 12 Апостоловъ... Вереницею наплываютъ воспоминанія исторіи, чувства радости, торжества и умиленія чередуются съ гордымъ сознаниємъ, что ты русскій, что ты іота этой русской Москвы и невольно говоришь самъ себѣ — Слава Богу — я Русскій, православный...

Но вотъ и Августъ — время снова возвращаться въ «свою» Америку. Пролетѣли дорогіе моменты краткихъ свиданій съ родными, съ друзьями. Но не тяготилъ меня ни сколько этотъ отъездъ. Жаль было расставаться съ добрыми русскими людьми, осо-

бенно, когда мелькала мысль — увидимся ли мы..., но уже привычка къ Американской жизни тинула туда къ Океану, плыть черезъ глубокія воды его далеко, далеко на западъ; хотѣлось скорѣе видѣть своихъ такъ добрыхъ Владыкъ, своихъ мѣлыхъ братьевъ, съ которыми уже болѣе связать, болѣе общаго, чѣмъ съ остающимся дома...

2 Августа мы были въ Либавѣ. «Курскъ» долженъ былъ отплыть 27 Августа, но намъ нужно было выдержать пятидневный карантинъ по требованію Американскихъ властей — въ виду непрекращавшейся холеры въ Россіи. Къ этому времени собралась въ Либаву и всѣ тѣ, которые изъявили желаніе трудиться въ нашей Миссіи. Подъ покровительствомъ благороднѣйшаго и добрѣйшаго Либавскаго Полиціймейстера Николая Евграфовича Подушкина, при его заботахъ о всѣхъ насъ — намъ удалось устроить всѣ формальности, требуемыя при поѣздкахъ за границу. При его-же содѣйствіи и при помощи Ивана Васильевича Шестаковского завѣдующаго Либавской Конторой Русскаго Восточно-Азіатскаго Пароходства всѣ мы прекрасно устроились и на пароходѣ. Къ дню отхода «Курска» я приурочилъ и служеніе молебна по случаю передачи иконы Курской Божіей Матери отъ Владыки нашего Высокопреосвященнѣйшаго Платона въ благословеніе «Курска», а въ лицѣ его и всему Русскому Пароходству. Его Высокопреосвященство поручилъ мнѣ взять икону Курской Божіей Матери въ самомъ городѣ Курскѣ, освятить тамъ ее у чудотворнаго образа Курской Коренной Божіей Матери и вручить пароходу «Курску». Мною и былъ привезенъ въ Либаву изъ Курска образъ Курской Божіей Матери. На молебенъ явились представители Русскаго Восточно-Азіатскаго Пароходства во главѣ съ Контръ Адмираломъ Борисомъ Карловичемъ Г. Де-Ливронъ — Товарищемъ Господиня Предсѣдателя Правленія Общества, Начальника Либавскаго Порта, Либав-

скій Полиціймейстеръ съ помощниками и другіе представители.

Предъ молебствіемъ я сказалъ о заботѣ нашего Владыки о русскихъ эмигрантахъ въ Америкѣ, объ Эмигрантскомъ Домѣ и о томъ, съ какою любовію Его Высокопреосвященство привѣтствуетъ и молитвенно благословляетъ все то, что содѣйствуетъ и помогаетъ благороднымъ сынамъ и дочерямъ нашей Великой Родины, эмигрирующимъ въ Америку.

Начиналась буря во время молебна. Жутко становилось на душѣ. Въ такой штормъ нужно было выѣзжать. Правда, «Курскъ» новый, крѣпкій и большой пароходъ, со всѣми усовершенствованіями..., но что значить все это на морѣ въ такую ужасную бурю, что значить этотъ корабль, эти винты, все это усовершенствованіе, когда въ одинъ мигъ ударъ волны всегда можетъ повергнуть наибольший пароходъ въ бездну волнъ... Жутко было, овладѣвалъ страхъ, но выходи въ море быть неоткладываемымъ. Матерь Божія, Курская Царица Небесная, спаси насъ, спаси этимъ Св. Своимъ образомъ, которымъ архипастырь благословляетъ корабль сей и всѣхъ ѣдущихъ на немъ — на тихое плаваніе и благополучное возвращеніе... Будь и намъ недостойнымъ «Свѣною Необоримую» отъ этой такъ опасной на морѣ бури... Всѣ мы горячо, горячо молились... После молебна св. Образъ я передалъ Его Превосходительству В. К. Де-Ливронъ, который, сказавъ рѣчь, вручилъ его капитану «Курска» — г-ну Кирифельду. Тотчасъ-же съ иконѣю «Яко необоримую свѣну» понесли мы икону и прикрѣпили въ столовой комнатѣ 1-го класса. Распрощались со всѣми, стали отводить буксирные пароходики нашъ «Курскъ». Буря все усиливалась, штормъ бушевалъ. Трудно было стоять на палубѣ. Вдругъ дернуло пароходъ, оказалось порвались стальные канаты, въ другой разъ то-же, прикрѣпили цѣпи, порвались и цѣпи и пароходъ ударился о пристань. Съ 2 часовъ до 7 вечера не могли отвести отъ пристани «Кур-

ская. Но могли ничего сделать и на другой день. Но къ вечеру 28-го Августа буря стала утихать и 29-го въ 12 часовъ дни отведенный отъ пристани, къ которой его притягивало, какъ магнитомъ, «Курскъ» плавно поплыло въ южную гавани и поплыло въ море. Не христиане и тѣ говорили, что «Богъ спасъ насъ», не пустивъ въ море... Всѣ мы молвилися во время молебна съ глубокимъ убѣжденіемъ свидѣтельствуемъ — Курская Матеря-Божія заступила насъ и сохранила, блаженное Добро нашего Архипастыря спасло насъ... Слава Тебѣ Заступница наша усердная!

Свщ. Иоаннъ Слюкинъ.

ВЪ СТАНЬ.

По склону западной Аляски,
Тамъ гдѣ Берингово гудитъ,
Ютись на маленькомъ участкѣ,
Бѣльковскъ селеніе стоитъ.
Всегда сурова и дика
Сихъ странъ утробная природа;
Нерѣдко мрачны облака,
Бушуетъ часто непогода.
И день и ночь у алути
Здѣсь горе борется съ нуждой:
Убогъ домишко для приюта,
И ливня—юкола съ водой.
А было время удаче—
Водилось много тутъ боброевъ,
Но въ вѣчность кануло былое,
Боберъ ушелъ съ сихъ береговъ.
И горсть людей въ селеніи этомъ,
Но рѣдко здѣсь и тѣ живутъ,
На краткій срокъ бывая лѣтомъ,
Отсюда на зиму бѣгутъ...
Однообразно дни ведутъ
Бѣльковска жители, одиночій
И лишь почтовый пароходъ,
Нашъ утѣшаетъ взоръ усталый.
На мигъ въ то время оживится
Бѣльковскъ умилей и слухой,
Все зашумитъ, засуетится,
Къ водѣ спѣшитъ народъ толпой.
Но ненадолго пароходъ
Доставитъ всѣмъ намъ развлеченье:
Чу! Три свистка... Данъ полный ходъ,
И будто не было онъ въ селеніи.
Ничь здѣсь чувствъ и склада люди...
Сюда привезъ Господь мени;
Я искру заложить въ ихъ груди
Стремлюсь небеснаго огня.
Но тяжело миссіонеру —
Гдѣ все гнететъ и давитъ глушь,—
Здѣсь быть поборничкомъ за вѣру
И добрымъ пастыремъ для душъ.

Свщ. А. К.

The Normal Statute for the Parishes of the American Orthodox Diocese.

(The end.)

§ 52. The property of the church is used for its own needs and the needs of the dependent ecclesiastical institutions, also for the needs of the Diocese, with the exception of donations for special purposes.

§ 53. Movable and immovable property destined for the support of the clergy (land, houses, house furniture, etc.), being the inalienable property of the church, is to be used by the clergy and servants of the church.

§ 54. The property of the parish is used for local needs by resolution of the parish meeting.

§ 55. The church as regards the property of the first class, and the parish as regards that of the second, have the right to purchase in their own name and to dispose of movable and immovable property.

§ 56. Immovable property purchased with parish money may be disposed of, sold, exchanged or mortgaged only by permission of the parish church proper; also, by permission of the same authority the manner of making use of property destined for certain purposes may be changed.

Religious Instruction and Charitable Institutions.

§ 57. Every parish must have a number of ecclesiastical parochial schools answering to the requirements of the elementary education of children of school age, in the spirit of Orthodoxy and the national spirit of the parish.

§ 58. The care of establishing and giving material support to parochial schools is the duty of the parish. In particular, the parish must try to provide new school houses or rooms or to improve those which it already has, to supply to the schools fuel, lighting and servants, to ensure the schools against fire, to provide school books and necessaries as well as books for home reading, to secure pay and dwellings for teachers, to establish night asylums and means of transportation for children who live at a great distance from the school or the church, to see that the school has a flower and vegetable garden, and that the children are taught different branches of farming, manual labor or such industries and needle work as are within a child's ability, etc.

§ 59. The object of the ecclesiastical parochial school being to educate the children of the parish in

the spirit of the orthodox faith and church the direction of the schools and their religious instruction are the duty of the priest. Other subjects shall be taught by male and female teachers, appointed by Consistorial Authority on the initiative of the Parochial Council, and who carry out the task of educating and instructing under the responsible guidance and supervision of the priest who has charge of the school.

§ 60. The means for supporting parish schools must be found by the parish either alone or with the assistance of the Diocesan treasury. But whenever it is possible, the Archbishop may permit the use of church money for that purpose.

§ 61. As need arises, the clergy of the parish shall establish and conduct courses of theological instruction and catechisation of the adults of the parish.

§ 62. Every parish church should possess a church library. Besides books of Divine service, the library should contain books which the minor clergy used for the purpose of enlarging and deepening their theological knowledge, and also the official publications of the church in general and the local parish in particular.

§ 63. The church library is established and completed from the resources of the church and the offerings of parishioners, and is under the supervision of the parish priest.

§ 64. The parishioners, if they wish to do so and the Authority of the Diocese considers it possible, may use the parish money for the establishment of their separate libraries and reading rooms, their own asylums for the aged and orphans for habitas, which are supervised and managed under the guidance of the parish priest, by persons, elected by the parochial meeting or the Parochial Council.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ

содержащихся въ Американскомъ Православномъ Вѣстникѣ за 1911 годъ.

I

Статьи догматическаго, полемическаго и нравственнаго содержания.

(Статьи отъбѣившихъ крестниковъ помѣщаются въ двухъ текстахъ—по руски и по англійски).

† Религии церквей Восточной и западной въ учении о Пресвятой Дѣвѣ Маріи Богородицѣ. Прот. А. Лебедевъ. 45, 66, 174, 189, 240.

† Восточная Православная Церковь. 84, 109.

† Къ вопросу о соединеніи Церквей. Лекція

Высшнпротопротоіерейскаго Архіепископа Платона, 97, 120, 143.

† Къ вопросу? Прот. А. Хотовицкаго. 102.

† Русско-американскій антагонизмъ въ отношеніи Православной Церкви. 200, 221.

The American Book of Common Prayer. 255, 275.

Православная Церковь и Соединеніе Церквей. А. Х. 214.

Гдѣ же не го. Свѣд. В. Матвѣевича. 215.

Положеніи и страданія въ православномъ вѣру въ юго-американскъ вѣкѣ. 304.

† По вопросу о соединеніи церквей. С. Т. 343.

Мысли нѣк. бископа Высшнпротопротоіерейскаго Архіепископа Платона по вопросу о соединеніи церквей. Прот. Д. Туркеница. 200.

† Къ вопросу о соединеніи церквей. Высшнпротопротоіерейскаго Архіепископа Платона. 275, 302 и 317.

II

Статьи по исторіи прошлой и современной жизни Американской Православной Миссіи на материкѣ и островахъ.

Архипастырская привѣтливость и дружба. I.

Маленькія цѣлѣны. 2, 23.

Святки и Новый Годъ въ Нью-Йоркѣ. А. Х. 5.

Съ поминанъ свѣтлень. А. Х. 9.

Свѣтлый вѣкъ. Прот. А. Хотовицкаго. 12.

Въ темнотѣ. I. II. 15.

Приданикъ Рождества Христова въ американскомъ чистилищѣ. А. Х. 16.

Рескриптъ. 21.

На могилу о. В. Калмыка. Прот. А. Хотовицкаго. 21.

† The Work of Archbishop Platon. New "Святоточная". 25.

Вниманію духовенства. 21.

Юбилейъ прихода. Торжество въ Троѣ. Прот. А. Хотовицкаго. 34.

Албанскія православныя церкви въ С. Америкѣ. Свѣд. В. Нова. 50.

Миссіонерская работа. Свѣд. А. Муринъ. 54.

Походъ по алуткскимъ островамъ. Свѣд. А. Пантелеева. 66, 77, 95, 170, 217, 272.

Благора въ С. Америкѣ, кром. Оверленда. 61, 76.

Пресвятеннѣйшій Рафаилъ. Епископъ Бруннвикскій. Е. А. 71.

Незабудка на могилу о. В. Калмыка. Свѣд. А. Яновскаго. 75.

Польз впечатлѣніемъ публичной лекціи Его Высшнпротопротоіерейскаго по вопросу о соединеніи Церквей. Е. А. 81.

Историческія дѣла. Торжество Православна въ Бостонѣ. Прот. А. Хотовицкаго. 87.

Востриверный ростъ православна въ Америкѣ. I. II. 91.

По штатамъ и Аляскѣ. А. X. 92, 115, 140, 153, 165, 195, 213, 234, 249, 264, 278, 400 и 430.
 Торжество Православія въ Нью-Йоркѣ. Прот. А. Хотовицкаго. 111.
 5 Апрѣля. 118.
 Миссіонерское путешествіе. 118.
 Пастыремъ и пасомымъ Амер. Православной Руси. Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Платона. 118.
 Высочайшее привѣтствіе. 141.
 Архипастырское привѣтствіе. 141.
 Отпустъ. 151.
 Russian Orthodox Diocese of North America.
 Высочайшая награда. 173.
 Юбилей. А. X. 179.
 Ангела Хранителя. X. 204.
 Благодареніе. 188.
 Походъ по алеутскимъ островамъ. Игумена Амфилохія. 205, 219, 238, 257.
 Изъ рапорта Преосвящ. Александра на имя Его Высокопреосвященства. 212.
 Отпустъ въ Свято-Тихоновскомъ монастырѣ. Богомольца. 219.
 Къ посѣщенію Высокопреосвящ. Платономъ Болгарской православной паствы въ Торонто, Канада. Свящ. П. К. 231.
 Радостная вѣсть. 247.
 Изъ рапорта на имя Его Высокопреосвященства Преосвящ. Александра. 248.
 Прекрасный обычай. X. 249.
 Скромный юбилей. Е. А. 253.
 Моя поѣздка въ дорогу въ Россію. Свящ. І. Слюнина. 254.
 Въ обители. А. X. 261.
 Походъ спасителей на нечестивую Русь, или какъ баптистская лисичка слопать русскаго медвѣдя собиралась. X. 270.
 О той же лисичкѣ, или скверные планы. А. X. 272.
 Старожилы Аляски. Свящ. А. Кедровскаго. 274, 323.
 Pro domo sua. Ред.
 Обращеніе Его Высокопреосвященства къ пастыремъ и пасомымъ по поводу прославленія святителя Іоасафа Бѣлградскаго. 292.
 30 Августа. А. X. 298.
 Посѣщеніе Преосвященнымъ Александромъ Ситки. Свящ. П. Орлова. 300.
 Престольный праздникъ въ церкви Русскаго Эмигр. Дома. А. X. 302.
 Торжество въ Чикаго. С. Князь. А. Н. 304.
 Два юбилея. Свящ. П. Орлова. 305.
 Изъ миссіонной хроники. 312.
 Въ дорогѣ. Свящ. Ѳ. Букетова. 317.
 Карточная система въ приходской статистикѣ. Прот. Л. Туркевича. 321.
 Поѣздка къ малеймютамъ до селенія Уналашки. Игумена Амфилохія. 325.
 Знаменательное событіе въ жизни нашей. Миссін. Н. 327.
 Постриженіе въ монашество. А. 329.

Въ честь новоявленнаго угодника Божія. X. 320.
 Освященіе храма въ Питтсбургѣ. В. К. 320.
 Отбытіе въ Россію барона Р. Р. Розена. Н. 332.
 У раки святителя Іоасафа. Свящ. І. Слюнина. 349.
 Протоіерей Николай С. Рысевъ. Некрологъ. І. П. 351.
 Нѣсколько часовъ въ Свято-Тихоновской обители. А. X. 362.
 Къ юбилею товарища. Свящ. І. Слюнина. 364.
 Къ 10-лѣтнему юбилею о. Ѳ. Букетова. А. X. 367.
 Некрологъ. Свящ. А. Пантелеева. 368.
 Поѣздка моя на родину. Свящ. І. Слюнина. 412 и 433.

III

Статьи смѣшаннаго содержанія.
 Молебное пѣніе на новый годъ.
 Съ новымъ годомъ. 8.
 Ночь подъ Рождество Христово. Христіанина. 12.
 Пасхальные мотивы. Стих. Прот. Л. Туркевича. 142.
 Какъ работаетъ Римъ. Н. Э.
 Святитель Іоасафъ Горленко. 293.
 На могилу русскаго богатыря А. П. Столыпина. Свящ. Ѳ. Букетова. 513.
 Церковная реклама. І. П. 320.
 Безъ заглавія. Христіанина. 340.
 На станціи. Свящ. Ѳ. Букетова. 341.
 Славянамъ. Стих. Е. Любарскаго. 342.
 Празднованіе 50-лѣтняго юбилея Архіепископа Николая Японскаго. Епископа Сергія. 353.
 Серебряный юбилей о. прот. А. П. Мальцева. А. X. 356.
 Кто унижаетъ Россію на чужбинѣ? Свящ. Ф. Средановича. 358.
 Святая книга въ отелѣ. І. П. 371.
 Возмущеніе у римо-католиковъ. І. П. Анахорета. 383.
 Современная пропаганда римско-католичества въ Россіи при помощи уни. X. Л. 386.
 Славянское участіе въ высшемъ образованіи. Свящ. Ф. Средановича. 412.
 Въ ставѣ. Стих. А. К. 436.

Редакторъ,

Каведральный Прот. А. Хотовицкій.